КРАТКАЯ КРИТИКА РАССМОТРЕНИЯ М. ХАЙДЕГГЕРОМ ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА "БЫТИЕ"

Б. Братина

Приштинский университет, философский факультет. Сербия, 38220, Косовская Митровица, ул. Филипа Вишнича б. н.

Статья рассматривает предпринятую М. Хайдеггером во «Фрайбургских лекциях» (1935) попытку дать онтологический анализ трех корней термина «бытие» (es-, bhu-, wes-). По мнению автора статьи, Хайдеггер сознательно не учитывает специфику присутствия данных корней и их модификаций в славянских языках, в связи с чем рассматриваются возможные идейные и даже идеологические причины подобной «невнимательности». В то же время обращение автора статьи к самостоятельному онтолого-лингвистическому анализу славянских языков помогает восполнить те философские «лакуны», которые образовались за счет игнорирования их богатого смыслового содержания. Лингвистическое богатство славянских корней – один из слабо разрабатываемых пока источников знания о философском потенциале целого ряда важнейших философских понятий, включая понятие «бытие». Внимание к этимологической составляющей полноценного онтолого-лингвистического анализа, разумеется, одна из заслуг М. Хайдеггера. Однако дополнительные ракурсы этого подхода, возникающие при обращении к материалу славянских культур, радикально меняют практические проекции, вытекающие из данных рассуждений на уровне культуры и политики. Важнейший вывод, предложенный автором статьи, состоит в необходимости учитывать детерминированность нейтральных по виду философских позиций, нередко слабо осознаваемую самим мыслителем, со стороны политики, в целом властных отношений, а также общекультурного контекста создания той или иной философской концепции. Призывая к интеллектуальной добросовестности, автор статьи убедительно обосновывает методологические и содержательные следствия, исходящие из данного положения.

Ключевые слова: М. Хайдеггер, онтолого–лингвистический анализ, бытие, семантический потенциал понятия, славянские культуры, маргинализация, политическая и идеологическая ангажированность, идеология расизма, философская истина.

Философия

овременный посткризисный мир сложен и неоднозначен как в политическом смысле, так и в смысле поиска человеком своего места в нем [11, с. 8–11]. Отличается он и своей идентификационной составляющей, выражаемой в том числе в языке. В свою очередь, язык культуры и философии концентрирует подобные поиски. Именно поэтому интерес к этим языкам в различных «лингвистических проекциях» остается в центре внимания современных гуманитарных исследований, несмотря на очевидную «несъедобность» и кажущуюся непрактичность подобных исследований. С этой точки зрения язык культуры – одна из наиболее насущных проблем современной науки, ибо она разыскивает то, что делает человека человеком.

Данное исследование касается понятия «бытие» и тех его интерпретаций, которые непосредственно связаны с политикой – как в историческом контексте, так и с точки зрения новейших прикладных проекций социального, политического, экономического и других профилей. Понятно, что изучение данного вопроса не может быть абстрактным. Оно должно опираться на конкретный материал, отобранный по критерию достоверности и осмысленный с помощью общенаучных и специальных научных методов (таких, как анализ и синтез, единство исторического и логического, восхождение от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, обобщение, уточнение; этимологический анализ, онтолого-лингвистический анализ, философская компаративистика и т.д.).

Исследователям, как и широкой научной общественности, широко известна попытка Хайдеггера во «Фрайбургских лекциях 1935-го года» проникнуть в смысл бытия посредством языка. Идея этой попытки состояла в том, чтобы, исходя из тезиса, что язык и сам является чем-то существующим, можно перейти к утверждению доступности бытия через грамматический и/или этимологический анализ самого слова «бытие». По нашему мнению, эта попытка имела отрицательный результат, хотя сама по себе и обладала значительным (и весьма резонансным) исходным импульсом. Обстоятельное изучение причин этой неудачи, вопрос оправданности самой попытки Хайдеггера, как и поиск трансцендентальных условий и методов возможной успешной реализации такого проекта, не являются темой данной работы.

Наше намерение – указать на нечто совсем иное: описанная выше затея, какой ее замыслил и стремился осуществить Хайдеггер, имеет, с нашей точки зрения, не научный, а идеологический характер. Выполненный им этимологический анализ слова «бытие» неаккуратен, и этот факт – не столько следствие недостаточной лингвистической подготовки (так как о Хайдеггере вряд ли можно сказать, что он не был, по крайней мере, достаточно информирован в данной области), сколько результат именно идеологических влияний. Как известно, даже сообщество ученых-лингвистов не было единодушно в оценке полученных им результатов; естественно, «политкорректные» представители

профессии в Германии 1930–1940-х гг. готовы были поддержать эти результаты, учитывая базовую теорию нацистского движения и ее парафилософскую составляющую (как и разнообразные интеллектуализированные «изводы»).

Мы бы с удовольствием сказали, что Хайдеггер – представитель так называемого онтологического империализма, который лучше всего можно увидеть через анализ его рассмотрения отношения с Другим. Это отношение подчинено отношению с бытием как «отношению всех отношений». В более поздней части изложения фундаментальной онтологии Хайдегтер связывает бытие с понятиями, кажущимися еще более побочными с точки зрения его основных философских интуиций. Однако они, хотим мы того или нет, непосредственно ассоциируются с его участием в Национал-социалистической партии (речь идет о понятиях «народ», «борьба», «общность на фронте» и т.д.).

Тем временем политическая «активность» Хайдеггера зачастую ослепляет современных критиков, затрудняя обнаружение более глубокого историко-теоретического значения. В отличие от Розенберга (концепция «крови и почвы» которого победила в нацистской партии, так как была более подходящей для недалеких народных масс), он хотел утвердить расовое превосходство в понятии как таковом. Именно эта заявка, по нашему мнению, и делает его концепцию нацизма превосходящей официальную идеологию «крови и почвы».

Однако с трудом понимаемый партийной массой «бытийный» расизм не был принят в качестве руководства к действию. Возможно, именно в этом и заключается причина отказа Хайдегтера принять денацификацию, хотя, как известно, он позднее дистанцировался от участия в «преступном мероприятии». Вольная историко-философская аналогия: И.Г. Фихте, который почти на два века раньше также «сел на интеллектуальную мель», разрабатывая модели практического приложения теоретической мысли в таких понятиях, как Deutschtung и подобных, по крайней мере, не отказался от идей, которые отстаивал.

Принимая во внимание вышесказанное, становится возможным уточнить, почему Хайдеггер обходит славянские языки в сравнительном анализе трех этимологических корней слова «бытие». Это понятно уже на основании того, что он называет первые два индоевропейских корня (es-, bhu-) «индогерманскими» (что в его время было общепринятым, хотя и касалось языков гипостазированных индоевропейцев в более узком смысле). Относительно третьего корня (wes-) Хайдегтер все же говорит, что он появляется «только на территории изменения германского глагола «быть»» [13, с. 69].

Последний тезис мы и намерены оспорить, опираясь при этом на примеры из тех языков, которые Хайдегтер неоправданно обходит вниманием. Более того, кто-то может задаться вопросом, относятся ли вообще германцы в строгом смысле (Deutsch) к индоевропейской группе народов, когда, например, у них нет своего слова для «моря», которое является одним из ключевых индоевропейских

слов. Так, для стоячей воды они используют слова Loch и See в значении лужи, озера или моря, но у них нет mare (латинский) или море.

С другой стороны, даже по сравнению с латинским и современными романскими языками (итальянским, французским или, скажем, испанским) славянские языки обладают большим семантическим потенциалом в интерпретации индоевропейского слова «море», тогда как у германцев, напомним, в строгом смысле этого слова просто нет. Мы говорим «больший семантический потенциал», так как в славянских языках, например в сербском, корень мор- непосредственно семантически связан с утоплением (слова морить, сморить, смерть, и эта семантическая связь видна и в богине Морани, и даже в глаголе норити, в смысле погружаться; об этом свидетельствует и современное сербское жаргонное словечко сморити (рус. – надоедать).

Вообще, слово «бытие» не является самым старым среди индоевропейских слов, оно важно лишь с философской точки зрения. Существует целая группа индоевропейских слов, представляющих общую индоевропейскую языковую связку, и слово «море» – одно из них. Добавим, что не следует упускать из виду и тот факт, что лингвистический подход, позиции которого мы оспариваем, не является случайностью. Это – одна из парадигм культуры, претендующей на универсальность собственных взглядов по меньшей мере последние 1200 лет. Неслучайно и то, что лингвистические поиски М. Хайдеггера разделили лингвистическую общественность как раз в то время, когда он отождествил греческое λέγειν с немецким lessen, исполняя герменевтику λόγος-а как «собирающую собранность» вполне в духе легко выводимой отсюда «теории масс».

Даже когда речь идет о первом пракорне слова «бытие» - корне es-, от которого происходят греческие еіті (в третьем лице единственного числа настоящего времени: estí), еїnai и др., латинские est, estis, essum, esse, essentia и т.п., германские is (английский), ist, sind, seid, sein (немецкий), французские es, est, être, êtez, испанские ser, estar и т.д.), сравнение со славянскими языками весьма интересно. Слова, которые происходят из этого корня, преимущественно имеют функцию копулы и/или смысла сущности этой функции. Именно с этой онтологической коннотацией они появляются и в славянских языках. Например, в сербском глаголе јесам (рус. -я есть) как вспомогательное је, что является самой формой константива, затем в русском есть, церковнославянском јест, јестество, а также в сербских словах истина, искон и др.

Второй индоевропейский корень слова «бытие» – bhu- еще интересней. В греческом это рhý-, как в рhýō, phýein, phýsis, но и pha-; в латинском оно осталось в перфекте fui, fuo, а в германских языках – только в английском be, been и немецком bin, bist, bis. В славянских языках тем временем этот корень соответствует целому ряду слов: церковнославянское bytie, сербское биће, бити, бит, бивствовање, (пре)бивање, бивство,

бивствујуће и т.д., затем будем, буди, будимо и др., в которых bhu- сохраняется в первозданной форме. Соответственно в сербском этот корень, в отличие от других языков, присутствует как смысл вспомогательного глагола (который устанавливает связь) и как само название бытия. В этом смысле корень bhu- в славянских языках демонстрирует более широкое семантическое распространение по сравнению с другими современными европейскими языками, что само по себе является преимуществом, когда речь идет о выражении онтологических деликатностей.

Специфика славянских языков весьма выразительна при выяснении важного и для Хайдеггера аспекта, связанного с понятиями света, блеска, а также и вид-а, вид-имости. Славянский корень вид- соответствует греческому корню "ғіб-" (wid-, совпадает с phý-), который затем превратился в (ϵ) ι 6-, как в id-éa, id-eĩn, eĩd-os и др., поскольку "F" (digamma) со временем потерялась или была замещена, чаще всего дифтонгом "єї". Кроме того, он коннотирует ту же самую группу значений: аорист глагола horáō – это именно еїdov, основа fιδ-. В славянских языках эта связь видна в прародственности глаголов ведети и видети, где ведети означает знание как последствие внутреннего знания: «ведети» означает «знаю, так как я видел»". Подобная связь сохранилась сегодня и в польском языке, где различаются wiemy, wiedzie – знать внутренним знанием и znamy, zna – знать поверхностно, извне. Не говоря уже о таких сербских словах, как «увид» (рус. уведомление) и «привид» (рус. –иллюзия).

Если говорить о третьем индоевропейском корне слова «бытие», корне wes-, то в греческом ему соответствует целая группа слов: hestía, hestíama, hestiátor, hestioũhos и другие; в конечном итоге и центральное философское понятие, οὐσία, которое изначально связывается с той же группой значений (ср. в латинском – Vesta, vestibulum). Что касается германских языков, Хайдеггер приводит gewesen, was, war, wesend, Wessen, anwesend, abwesend. В английском, скажем, этому соответствует прошедшее время глагола was.

Вопреки мнению Хайдеггера о том, что корень wes- появляется только в германских языках, мы можем обнаружить этот корень и в славянских языках, особенно в сербском, хотя и с немного измененным, но все же с явно присутствующим сущностным онтологическим значением. Так, лингвистический корень wes-(сербский вес-) имеет смысл приведения самого бытия, знания о бытии или его призывания прежде всего в словах свест (рус. – сознание) и савест (рус. – совесть), то есть свесност, савесност и сущностное вест, затем весна, весник, наговестити, весеље и др.

Без понятия сознания уже более чем 300 лет нельзя говорить о понятии бытия; оно не имело бы никакого смысла вне сознания, предметом которого оно может быть. Уже из первых двух примеров видно, что один союз как префикс

Философия

в своих двух формах отделяет область теоретического (осознаваемое сознание) от области практического, конкретно, этического (совесть). К этому следует добавить и факт, что зачастую в главном корне может произойти перераспределение звуков таким образом, что с тем же смыслом к упомянутой группе слов могут добавиться: све (рус. – все), свет (рус. – мир), светлост (рус. – свет), светина (рус. – простой народ) и т.д. Более того, согласно свидетельству Анте Кнежевича, который ссылается на релевантные анализы этимолога Петра Скока, здесь особенно видна связь с корнем вид-, то есть с тем смыслом бытия, которое подразумевает его объявление, обнаружение; значение глагола «смотреть» развилось «по отношению к семантическому закону результата. Из освещения следует смотрение. Одно без другого невозможно» [9, с. 662]. «Человек познает то, что видит или усматривает... Познаваемым является то, что (у)видено, увидено - то, что освещено, а это - свет, «освещенное». Это подтверждает и русское слово свет, имеющее два значения: 1) «свет» как освещение и 2) «свет» как мир... Полабский sjot значит «мир», но также и «день». Опять же в кашубском языке swiatlo и wid являются синонимами, как у нас это близкие по смыслу светло, видело и дан..." [5, с. 884].

Индоевропейский корень wes- в славянских языках появляется в первоначальной звуковой форме, при этом в смысле конкретного существующего бытия – в смысле вещи, латинский res, которая удовлетворяет критерии Аристотеля для οὐσία-у. Это подтверждает русское слово вещь, болгарское vešt, чешское věc – вещь, но также и в немного измененной форме сербская повест (рус.-история) - бытие, которое прошло и которое реально только в той мере, в которой оно отмечено, записано. Наконец, о том, что существует связь корня wes- с культом очага и имущества, как в случае термина "οὐσία", свидетельствует и его присутствие в форме с перераспределением звуков в слове Сварга, то есть Сварог, имени старославянского верховного божества, бога солнца (санскр. – svar), целой вселенной и домашнего очага как солнца в доме.

Неоспоримо, что Хайдеггер, – впрочем как и многие другие немецкие авторы, которые оставили в западной культуре глубокий и значительный след, – был приверженцем идеи о индогерманском происхождении языка и народа Европы (братья Гримм, Гердер, фон Гумбольд...). Название «индоевропейский», которое часто используется в нашей культуре, является последствием влияния французской лингвистики, которая пробуждается на сто лет позже, чем в Германии. С появления этой идеи и до нашего времени комментаторы и аналитики из неславянских странах регулярно избегают обращаться

к рассмотрению славянских языков, маргинализируя их лингвистически и необоснованно дискриминируя теоретически, – возможно, от банального незнания либо высокомерного невнимания.

Иная ситуация – в самих славянских странах. В частности, в Сербии к его рассмотрению обращался известнейший лингвист Милан Будимир [1, 2, 3, 4]. Строго научное обращение к данной теме убедительно показывает, что славянские языки не только опровергают положение Хайдеггера об онтолого-лингвистической эксклюзивности германских языков, но также делают несостоятельной всякую попытку маргинализации славянских языков в лингвистике и философии. Корни этих попыток, по нашему глубокому убеждению, имеют идеологическое происхождение даже в том случае, когда подобный ненаучный подход камуфлирует себя в сознании исследователя с помощью «рассеянности внимания».

Из сказанного очевидно, что существующие неясности и разрывы в лингвистике могли бы быть устранены в значительной мере с помощью неангажированного анализа славянских языков. Более того, когда речь идет о философском потенциале этих языков, как таковых, обнаруживается их «онтологическая плодовитость», ничуть не меньшая, чем в случае с немецким языком. Скорее, наоборот: скажем, сербский язык изобилует онтологическими терминами, «поставляющими» думающему аналитику богатейший материал для его онтолого-лингвистических размышлений и поисков.

Весьма плачевно на этом фоне выглядит совет М. Хайдеггера студентам: лучше учить легендарную праисторию и раннюю историю Германа, чем грамматику классических языков [14, с. 53–54]. Пристрастность данной позиции можно обосновать и с помощью выводов научной политологии, которая настаивает на необходимости учитывать приверженность сознания ученого тем или иным властным отношениям вне зависимости от того, насколько он сам осознает подобную приверженность. Сходную позицию отстаивает и современная культурология, указывая на зависимость позиции ученого от историко-культурного контекста его жизни и деятельности [10, с. 168–171].

Разумеется, первой и единственной целью нашей науки должна оставаться истина. Но мысль не может «отвязаться» от действительности так, как ей, возможно, хотелось бы. Грамотный и четкий анализ рефлексивных моментов, связанных с деятельностью сознания в «горизонте бытия», – один из важных путей, предложенных философией для спасения мысли от пут бесплодного самолюбования.

Б. Братина

Список литературы

- 1. Будимир М. Проблема буквы и протославянской родины/ Работа югославской академии наук и искусств. Кн. 282 (1951). Загреб: Югославская академия наук и искусств (Отдел филологии). 1951. С. 5—32
- 2. Будимир М. Сварог-Хелиос. Белград: САНУ, 1976. 338 с.
- 3. Будимир М. Pelasto-slavica / Предраг Р. Драгич Киюк, (1992)I, Catena Mundi: сербская хроника на мировых веригах. Кн. 1. Матица сербов и эмигрантов Сербии. Белград: Ибарске новости; Кральево. 1992. С. 74–82.
- 4. Будимир М. С балканских источников/Предраг Р. Драгич Киюк, (1992)II, Catena Mundi: сербская хроника на мировых веригах. Кн. 2, Матица сербов и эмигрантов Сербии. Белград: Ибарске новости; Кральево.1992. С. 852–855.
- 5. Кнежевич, А. Филозофија и славянские языки/философского исследования 18. Год. 6. Кн. 3 (1986), С. 873–892.
- 6. Мартине A. Основы общей лингвистики. Загреб: ГЗХ, 1982. 188 с. [Martinet, A. Éléments de linguistique générale, Paris, Armand Colin, 1960].
- 7. Скок П. Этимологический словарь хорватского или сербского языка. Кн. 1. Загреб: Югославская академия наук и искусств, 1971. 788 с.
- 8. Скок П. Этимологический словарь хорватского или сербского языка. Кн. 2. Загреб: Югославская академия наук и искусств, 1972. 700 с.
- 9. Скок П. Этимологический словарь хорватского или сербского языка. Кн. 3. Загреб: Югославская академия наук и искусств, 1973. 703 с.
- 10. Шестопал А.В., Силантьева М.В. «Мягкая сила» культурных модуляторов современных модернизационных процессов // Вестник МГИМО(У). 2013. №6 (27). С.168–171.
- 11. Торкунов А.В. Международные отношения в посткризисном мире: взгляд из России // Вестник МГИМО(У). 2013. №3 (30). С.8–11.
- 12. Хайдеггер М. Бытие и време. Загреб: Наприед, 1988. 509 c. [Heidegger, M. Sein und Zeit, Fünfzehnte, an Hand der Gesamstausgabe durchgesehene Auflage mit den Randbenerkungen aus dem Handexemplar des Autors im Anhang. Tübingen: Max Niemeyer, 1979.]
- 13. Хайдеггер М. Введение в метафизику. Врнячка Баня: Еидос, 1997. 210 с. [Heidegger, M. Einführung in die Metaphysik, Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1966].

Об авторе

Борис Братина – доктор философии, доцент философского факультуте Приштинского университета (Косовская Митровица). E-mail: uranela@EUnet.rs

A SHORT CRITICISM OF HEIDEGGER'S ONTOLOGICAL ANALYSIS OF THE TERM "BEING"

B. Bratina

Faculty of philosophy University of Priština (Kosovska Mitrovica), w.n., Filipa Višnjića St.,Kosovska Mitrovica 38220, Serbia.

Abstract: The text scrutinizes Heidegger's attempt of ontological analysis of three linguistical roots of the term "being" (es-, bhu-, wes-) from The Freiburg lectures (1935). In author's opinion, Heidegger deliberately ignored the presence of the roots and their modifications in the Slavic languages. Notional and even ideological reasons of such «inattention» are pressumed, the reasons which determine linguistic conclusions of German philosopher (and not the other way around, as supposed when stated that linguistic bacame an absolutely independent scientific means of Heidegger's ontological «investigations»). At the same time, the author argues for an independent ontological and linguistic analysis of Slavic languages, to fill the philogophical «gapes», originated from ignoring the rich

Философия

semantic content of those languages. The linguistic richness of Slavic radices is one of so far loosely developped means of knowing the important philosophical notions, including the notion «being». Turning the attention towards ethimological components of ontological and linguistical analysis is, of course, one of Heidegger's merits. But the different perspectives of that endevour, which show up in research of Slavic culture's material, radically change the practical concequences of those theses in the cultural and political plane. On the whole, they prevent the insight into aspirations of some contemporary political powers in marginalizing the Slavic cultures, ignoring their real position in global comunity, as well as the contribution of the Slavic cultures to the tresury of world cultures. The most important conclusion of the article is stressing of necessity to consider political conditionalities (residua) in philosophical positions, which the authors themselves are often unaware of. Calling to intellectual consciousness, Boris Bratina convincingly substantiates the methodological and research of content that follows from given positions.

Key words: M. Heidegger, ontological and linguistic analysis, "being", sethmantic potential of the concept, Slavic cultures, marginalization, political and ideological engagement, ideology of racism, philosophical truth.

References

- 1. Budimir M. Problema bukvi I protoslavianskoi rodini [Problem of the Beech and Protoslavic Matherland, in: Papers of Yugoslav Academy of Sciences and Arts, Vol. 282 (1951)], Zagreb, Yugoslavian Academy of Sciences and Arts (Philological Department), 1951, pp. 5–32
- 2. Budimir M. Svarog-Helios [Svarog-Helios], Beograd: SANU, 1976. 338 p.
- 3. Budimir M. Pelasto-slavica [Pelasto-slavica] / Predrug R. Dragich Kiuk, (1992)I, Catena Mundi: serbskaja khronika na mirovih verigah [Catena Mundi: A Serbian Chronical in the World Chains]. Vol. 1, Matitza Srba i iselyenika Srbiye [Matitza of Serbs and Serbian Emmigrants]. Beograd: Ibarskiye Novosti, Kralyevo, 1992, pp. 74–82.
- 4. Budimir M. «S balkanskih istochnikov» [«From Balkanian Sources»] / Predrug R. Dragich Kiuk, (1992)II, Catena Mundi: serbskaja khronika na mirovih verigah [Catena Mundi: A Serbian Chronical in the World Chains]. Vol. 2, Matitza Srba i iselyenika Srbiye [Matitza of Serbs and Serbian Emmigrants]. Beograd: Ibarskiye Novosti, Kralyevo, 1992, pp. 852–855.
- 5. Kneszhevich A. «Филозофија и славянские языки» / Философское исследования 18, Год. 6, Кн. 3 (1986) [«Philosophy and the Slavic Languages», in: Philosophical Investigation 18, VI/3 (1986)], pp. 873 892.
- 6. Martinet A. [Éléments de linguistique générale, Paris, Armand Colin, 1960]. (Serb. ed.: Osnovi obschey lingvistici [Elements of General Linguistics]. Zagreb: GZH, 1982. 188 p.)
- 7. Skok P. Etimologichesky slovar horvatskogo ili serbskogo jasika. Kn. 1 [Etimological Dictionary of Croat or Serbian Language, Vol. 1], Zagreb, Yugoslavian Academy of Sciences and Arts, 1971. 788 p.
- 8. Skok P. Etimologichesky slovar horvatskogo ili serbskogo jasika. Kn. 2 [Etimological Dictionary of Croat or Serbian Language, Vol. 1], Zagreb, Yugoslavian Academy of Sciences and Arts, 1972. 700 p.
- 9. Skok P. Etimologichesky slovar horvatskogo ili serbskogo jasika. Kn. 3 [Etimological Dictionary of Croat or Serbian Language, Vol. 1], Zagreb, Yugoslavian Academy of Sciences and Arts, 1973. 703 p.
- 10. Shestopal A.V., Silantjeva M.V. Intercultural Communication in the Light of Current Modernization Process, "Soft Power" Cultural Modulators. The Journal of MGIMO University, 2013, no 6 (27), pp. 168-171 (in Russian).
- 11. Torkunov A.V. International relations in the post-crisis world: a view from Russia. The Journal of MGIMO University, 2013, no 3 (30), pp. 8-11 (in Russian).
- 12. Haidegger M. Zein und Zeit. Sein und Zeit, Fünfzehnte, an Hand der Gesamstausgabe durchgesehene Auflage mit den Randbenerkungen aus dem Handexemplar des Autors im Anhang. Tübingen: Max Niemeyer, 1979. (Serb. ed.: Bytije i vreme. Zagreb: Napried. 1988. 509 p.
- 13. Haidegger M. Sein und Zeit, Fünfzehnte, an Hand der Gesamstausgabe durchgesehene Auflage mit den Randbenerkungen aus dem Handexemplar des Autors im Anhang. Tübingen: Max Niemeyer, 1979. (Serb. ed.: Vvedenie v metaphiziku. Beograd: Kultura, 1976. 225 p.)
- 14. Haidegger M. Einführung in die Metaphysik, Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1966 (Serb. ed.: Vvedenie v metaphiziku. Хайдеггер М. Введение в метафизику. Vrnyachka Banya: Eidos, 1997. 210 р.).

About the author

Boris Bratina – Doctor of Philosophy, Assistant Professor at Faculty of Philosophy, University of Priština (Kosovska Mitrovica, w. n., Filipa Višnjića St., Kosovska Mitrovica 38220, Serbia. E-mail: uranela@EUnet.rs